

ции или дело ограничится абстрактными призывами и разговорами об «инновациях». Если же всерьез будет взят курс на модернизацию страны, без учета исторического опыта советской мобилизационной модели развития не обойтись, включая и аграрную сферу.

Примечания

¹ См.: Население СССР. 1987: стат. сб. М., 1988. С. 8.

² Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. М., 1988. С. 45.

³ См.: Солдаткин А.П. Крестьянский мир и Советская власть накануне «Великого перелома» // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Самара, 2007. С. 387–388.

⁴ Сталин И.В. Собрание сочинений. Т. 13. С. 38–39.

⁵ Мау В.А. Очерки становления централизованного государственного управления хозяйством России // Экономическая история: хрестоматия. Т. 1. М., 2007. С. 432.

⁶ Там же. С. 432–433.

⁷ Там же. С. 435–436.

⁸ Наухацкий В.В., Денисов Ю.П. Аграрная политика и модернизация российской деревни второй половины XX века: противоречия и тенденции. Ростов н/Д., 2009. С. 16.

⁹ 20 лет Советской власти: стат. сб. М., 1937. С. 93.

*О.М. Вербицкая**

Коллективизация деревни в условиях становления советской мобилизационной экономики**

Для того чтобы выстоять в экономическом и военном противостоянии с Западом, советское руководство во второй половине 1920-х гг. разработало план индустриальной модернизации. Сложность реализации цели требовала использования чрезвычайных средств и чрезвычайных же организационных форм.

Аграрный сектор должен был стать одним из важнейшим компонентов мобилизационной экономики, для чего предстояло осуществить

* © Вербицкая О.М., 2011

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №10-01-00348а.

коллективизацию сельского хозяйства, крайне отсталого в техническом отношении. В планы массовой коллективизации сельского хозяйства входило скорейшее преобразование неуправляемой стихии индивидуальных крестьянских хозяйств в организованные сельскохозяйственные артели — гарантированных поставщиков сельхозпродукции для нужд индустриализации, городов и армии, а также активизация на этой базе процесса технического обновления аграрного производства.

Во второй половине 1930-х гг. коллективизация сельского хозяйства в основном была завершена. В исторически короткие сроки и преимущественно в принудительном порядке в СССР был создан колхозный строй. Но для приведения в действие созданной за годы коллективизации производственной системы «государство — колхозы» требовалась отработка не только соответствующей юридической базы, но и экономического механизма в сельском хозяйстве, что было достигнуто далеко не сразу, а лишь через несколько лет. Они стали для деревни временем огромных страданий и болезненной ломки прежнего социально-экономических уклада.

Подавляющее большинство крестьян-единоличников вступало в колхоз под нажимом властей, а значительное число колхозов создавалось сверху, директивным путем, без достаточной материально-технической базы. Экономическая и организационная слабость таких сельскохозяйственных артелей вынуждала руководство страны задумываться об их укреплении. В течение 1930—1934 гг. были приняты законы, упорядочивавшие колхозную жизнь, нацеленные на охрану социалистической собственности, внедрение МТС в колхозное производство и регламентировавшие основы их взаимоотношений и др.

В целом осуществление форсированной по масштабам и насильственной по форме коллективизации крестьянских хозяйств на первых порах значительно дезорганизовало хозяйственную жизнь деревни. В 1929 г. из-за продовольственных затруднений и нехватки хлеба в СССР была введена карточная система распределения продовольствия для рабочих и служащих, преимущественно в городах, которая просуществовала до 1935 г. В условиях дефицита продовольствия, угрожавшего серьезными социально-политическими последствиями, советская власть была вынуждена пойти на частичное внедрение некоторых рыночных элементов и товарно-денежных отношений. Так, с целью большего насыщения рынка хлебом СНК СССР и ЦК ВКП(б) в мае 1932 г. разрешили крестьянам продажу излишков зерна на базарах, причем по рыночным ценам, складывающимся в соответствии со спросом и предложением. Однако большого распространения рыночная торговля хлебом получить не могла.

В начале 1930-х гг. хлебозаготовительная политика правительства ужесточилась. Несмотря на сокращение производства хлеба в 1931—1932 гг., оно всемерно наращивало объемы хлебозаготовок. При этом

зерно, полученное у колхозов, оплачивалось по низким государственным ценам, не покрывавшим и четверти производственных затрат¹.

Свою главную задачу в деревне советское руководство видело исключительно в создании запасов хлеба для внутреннего потребления и реализации на внешнем рынке. Одной из наиболее трагических страниц коллективизации стала борьба вокруг хлебозаготовительных планов. Стремясь побыстрее рассчитаться с обязательствами по торговым договорам с границей, советская власть проявляла в деревне чрезвычайно высокую требовательность к постоянному наращиванию объемов изымаемого хлеба, однако стремилась достигать этого не за счет прироста зернового производства, а исключительно посредством его массовых мобилизаций и конфискации.

Вскоре из-за непомерно высоких объемов государственных заготовок, практически полностью лишивших колхозы и единоличников хлеба и другого продовольствия, в СССР разразился острый продовольственный кризис, усиленный неурожаем 1932 г. Это привело к массовому голоду в основных центрах зернового производства – на Украине, Кубани, Дону, Южном Урале, в Поволжье и Казахстане. За советскую индустриализацию крестьянство заплатило высокую цену – миллионы голодных смертей².

Таким образом, в деревне в начале 1930-х гг. создалось крайне тяжелое положение – ее основные производительные силы были разрушены, произошли дезорганизация и упадок, массовая гибель производителей сельскохозяйственной продукции вследствие репрессий, депортаций и голода. Не удивительно, что задания первой «сталинской» пятилетки по развитию сельского хозяйства, которые были рассчитаны с надеждой на существенный прирост благодаря предстоящему «великому перелому», ни по одному показателю выполнены не были³.

Что касается самих колхозов в это время, то в них действовал лишь механизм изъятия государством зерна и другой продукции, в то время как сколько-нибудь четкая система не только оплаты, но и организации труда в них полностью отсутствовала⁴.

Сталинское руководство страны осознавало всю опасность создавшегося положения и важность скорейшего выхода из кризиса. Важно было хоть в какой-то степени восстановить доверие крестьян к советской власти и колхозам, помочь им навести порядок в организации и оплате труда. А главное – предстояло наладить механизм неэквивалентного обмена между городом и деревней, который обеспечивал бы выгодный и бесперебойный поток зерна и прочей сельскохозяйственной продукции из колхозов в государственные закрома. Взамен этого государство рассчитывало в необременительном для себя объеме поставлять крестьянам машины, тракторы и комбайны, способные облегчить их труд на самых тяжелых участках земледельческих работ.

Начинать было решено с законов, обещавших крестьянам прекращение хлебозаготовительного беспредела. Новый закон от 19 января 1933 г. «Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами», принятый СНК СССР и ЦК ВКП(б), своими положениями закладывал основы новой структуры управления производственной сферой села. С этого времени ранее действовавшая договорная (контракционная) система заготовок зерновых культур отменялась и вместо нее вводилась новая форма — твердые обязательства по сдаче зерна государству (имевшие характер налога) в соответствии с предварительно установленными ценами. Это был принципиально важный шаг на пути превращения колхозов в элемент плановой экономики, а также в сторону упорядочения командных форм руководства колхозами.

Новые условия государственных поставок содержали элемент некоторой упорядоченности и системы. По сравнению с 1930 и 1931 гг., когда хлебозаготовки в хозяйствах колхозов и крестьян проводились, подобно бескомпромиссным продрозверсткам эпохи «военного коммунизма», т. е. вплоть до последнего зернышка, новое законодательство все же ставило преграды административному беспределу. В случае невыполнения установленных обязательств для колхозов предусматривались денежные штрафы, а для единоличников — судебная ответственность. Функции налогового аппарата в системе госпоставок передавались Комитету при СНК СССР по заготовкам сельскохозяйственной продукции (Комзаг) и его органам на местах⁵.

Вскоре были приняты аналогичные законы об обязательных поставках колхозами и единоличными крестьянскими хозяйствами подсолнечника, картофеля, риса и животноводческих продуктов. Все эти законоположения исходили из средних норм сдачи продукции с запланированных площадей посева, а по животноводческой продукции — из общей численности поголовья скота по твердым государственным ценам⁶.

С января 1934 г. продовольственный фонд страны, кроме обязательных государственных поставок от всех аграрных производителей, стал пополняться и такой формой, как закупки продовольствия и децентрализованные заготовки сельскохозяйственной продукции у крестьян на добровольной основе, которыми занимались органы потребительской кооперации. Цены на хлеб при закупках устанавливались на 20–25 % выше заготовительных. Эти меры также преследовали цель поднять уровень товарности сельскохозяйственной продукции⁷.

В середине 1930-х гг. закупки и увеличение продаж на колхозных рынках привели к некоторому оживлению товарно-денежных отношений в деревне. Это дало основание некоторым западным, а вслед за ними и российским ученым говорить о своеобразном «неонэпе», т. е. о частичном возрождении элементов рыночной экономики в эти годы⁸, хотя цены, по которым продукты закупались у крестьян, были лишь

немногим выше тех «чисто символических» заготовительных цен, устанавливаемых в жестком административном порядке сверху, и не покрывали даже части производственных затрат.

В 1940 г. в систему государственных заготовок и закупок были внесены изменения, суть которых сводилась к отказу от действовавшего с 1933 г. критерия исчисления норм поставок в соответствии с планами сева. По сигналам местных правительственных органов, зорко отслеживавших малейшие колебания экономической конъюнктуры в колхозах, было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Изменения в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов» от 8 апреля 1940 г., в котором намечались меры по устранению такой практики в колхозах. Отныне вводился новый принцип, по которому размер обязательных поставок колхозами продукции рассчитывался уже в зависимости от общего количества гектаров земельной площади, закрепленной за колхозами. Налог, который являлся основным показателем объемов поставок, устанавливался весьма жестко, исходя из необходимого государству результата, без всякого учета имеющихся возможностей и условий⁹.

Данные законоположения легли в основу формирования целостной системы экономических отношений государства с сельскохозяйственными производителями на последующие десятилетия. Применение внеэкономических мер государством, с одной стороны, постоянно вынуждало колхозы расширять общественные посевы под зерновыми, картофелем и овощами, а с другой — изменение в конце 1930-х гг. принципа исчисления объема обязательных поставок обеспечило поступление в государственную казну дополнительной колхозной продукции.

В течение периода 1930-х гг. в результате растущего административного нажима со стороны государства колхозы все больше превращались в важнейший элемент централизованной системы мобилизационной советской экономики. Несмотря на свою формально негосударственную природу (колхозы были, как известно, кооперативными предприятиями), они становились объектом государственного планирования и контроля. Но в условиях принудительной коллективизации и директивного руководства колхозами их развитие пошло в ином русле, а плану не было суждено стать объективным регулятором производства — он по существу был превращен в некое абстрактное прикрытие произвола государства в отношении колхозов.

Каковы же были экономические и социальные итоги создаваемой в колхозах мобилизационной экономики на этапе 1930-х гг.? Представляется, что ответ на данный вопрос, очевидно, надо искать в общих итогах развития сельскохозяйственного производства на данном этапе.

Постепенный выход деревни из жесточайшего кризиса и голода 1933 г. занял несколько лет, на всем протяжении которых колхозная экономика работала на пределе возможного, отдавая государству львиную долю

произведенного продукта. Каналами такой передачи являлись, прежде всего, обязательные поставки государству колхозной продукции и натуроплата МТС, которую колхозы также выплачивали государственным организациям.

В предвоенные годы наблюдался значительный прирост валовой продукции сельского хозяйства, особенно по земледелию. В 1937 г. сельское хозяйство достигло максимальных за все годы советской власти показателей производства, на 1/3 превысив рекордный для страны уровень 1913 г. В течение 1938–1940 гг. общий объем его прироста также был выше относительно того же периода – в пределах 20–41%, в том числе по земледелию – от 20 до 55%. Максимальный вклад в это достижение внесли именно колхозы. Так, в общем объеме зерна – 95,6 млн т, произведенного в 1940 г. всеми категориями хозяйств, включая совхозы и хозяйства единоличников (в том числе и в западных районах, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг.), доля колхозов (с учетом приусадебных хозяйств) составила более 80 %, т. е. 76,2 млн т зерна. Росли также сборы технических культур, в том числе и картофеля, хотя объемы его производства еще не удовлетворяли всех потребностей страны. Повысилась и товарность аграрного производства: с 35 % (в 1933–1938 гг.) до 41 % (1939–1940 гг.)¹⁰.

Однако при сравнении показателей аграрного производства в СССР с предреволюционным уровнем следует учитывать значительный прирост численности населения: уровень производства зерна, приходившийся в 1913 г. на душу населения, несмотря на заметный прогресс в сельскохозяйственном производстве не был достигнут даже к началу 1940-х гг. В развитии колхозного производства даже в предвоенный период все еще ощущались издержки форсированных методов коллективизации и организации колхозов. В частности, после массового забоя скота на начальном этапе коллективизации еще не полностью оправилось производство животноводческой продукции, и в 1937–1939 гг. оно едва дотягивало до 90% от предреволюционных показателей. Медленно росли посевные площади под зерновыми культурами, а под техническими и кормовыми культурами они даже сократились. Во многом достигнутый прирост объемов сельскохозяйственного производства был результатом возросшей интенсификации колхозного труда, что подтверждают данные об уровне занятости. В течение 1925 г. средний трудоспособный работник в индивидуальном крестьянском секторе отработал всего 92 человеко-дня, а в 1935 г. в условиях колхозного производства он уже отработывал не менее 185 человеко-дней, т. е. в 2 раза больше¹¹.

Было бы неверным не замечать и положительных результатов жесткой централизации при распределении сельскохозяйственной продукции, осуществлявшейся государством. Использование мобилизационных методов управления экономикой позволило поднять общий уровень товарности колхозной продукции, что способствовало отмене кар-

точной системы снабжения продовольствием еще в 1935 г. Практически одновременно с этим СССР полностью рассчитался и по экспортным зерновым операциям, заключенным в свое время с целью накопления валютных резервов. Индустриализация подняла экономику страны на более высокую ступень и вызвала заметный рост городов и их населения. Безусловно, во многом все эти задачи были решены вследствие сверхэксплуатации деревни, за счет чрезмерно завышенных объемов хлебопоставок и закупок продовольствия не только в колхозах, но и у отдельных крестьян, включая децентрализованные заготовки кооперативными организациями и т. д.

Переход от аграрного общества к индустриальному осуществлялся в СССР невероятно быстро и во многом принудительными методами. Колхозы при этом пострадали весьма существенно, поскольку жесткий административный диктат государства и формировавшаяся экономика мобилизационного типа лишали их большей части ими же производимых материальных ценностей, преимущественно в виде остродефицитных продуктов сельского хозяйства. Они уходили из деревни прямо в государственную казну — на нужды индустриализации, городов, укрепление обороноспособности страны и решение внешнеполитических задач.

Примечания

¹ Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009. С. 49.

² Население России в XX веке. Т. 1. Исторические очерки. 1900–1939 гг. М., 2000. С. 276.

³ Трагедия советской деревни: док. и мат-лы: в 5 т. М., 1999–2004. Т. 3. С. 35.

⁴ Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». М.: Наука, 2006. С. 124.

⁵ История колхозного права. Т. II (1937–1958). М., 1958. С. 353.

⁶ Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 35; История колхозного права. Т. 1. С. 352–353, 361–363.

⁷ СЗ СССР. 1934. № 5. Ст. 27; Зеленин И.Е. Указ. соч. С. 127.

⁸ См. Зеленин И.Е. Указ. соч. С. 196.

⁹ История колхозного права. Т. II. С. 135–137; Сборник постановлений и распоряжений правительства СССР. 1940 г. № 9. Ст. 235.

¹⁰ Сельское хозяйство СССР: стат. сб. С. 127, 201.

¹¹ История экономики. М., 2000. С. 305.